

метить пути формирования двух классов будущего капиталистического общества. К классу нарождавшейся буржуазии необходимо прежде всего отнести группу гильдейского купечества. Несмотря на то, что белорусские купцы в большинстве своем были мелкими, все же часть их обладала значительными капиталами, определенная часть которых вкладывалась в промышленность. В мещанском сословии выделялись богатые, владевшие ремесленными мастерскими, лавками. Это тоже представители нарождавшейся буржуазии. К классу нарождавшегося пролетариата необходимо отнести абсолютное большинство мещан, которые вынуждены были зарабатывать себе на жизнь работой по найму. Из наемных работников многочисленных предприятий мелкотоварного типа и городских мануфактур сформировался рабочий класс пореформенной Белоруссии. Представители таких категорий, как отставные нижние воинские чины, бессрочноотпускные и другие по роду своей деятельности не отличались от мещан. Появилась и новая социальная категория — разночинцы. Они не входили ни в одну из рассмотренных групп, хотя многие из них были выходцами из этих сословий. В большинстве своем белорусские разночинцы вышли из среды мелкой шляхты, однодворцев и мещан. Это были люди умственного труда — учителя, врачи, художники, музыканты. Они проживали в наиболее крупных городах. Так, в 1852 году в Могилеве на 23 523 человека приходилось 1346 разночинцев, в Витебске на 19 300 человек — 670 разночинцев⁸.

Таким образом, в период кризиса феодализма в составе населения городов Белоруссии произошли большие изменения. Несмотря на наличие крепостного права, тормозившего развитие производительных сил, рост городского населения значительно превышал темпы роста сельского. Рост численности горожан в значительной степени происходил за счет притока крестьян, чиновников, дворян, военных. Искусственная концентрация населения в городах создавала избыток рабочей силы, которую не могли поглотить слабо развитые промышленность, ремесло и торговля. Феодально-сословные разграничения с течением времени все больше стирались, а сами эти сословия постепенно превращались в классы капиталистического общества.

¹ См.: Статистическое обозрение городов и посадов Российской империи по 1825 год. — Спб., 1830; Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—1862 гг., ч. 1. — Спб., 1863; ЦГИА БССР, ф. 295, оп. 1, д. 195, л. 9—10; д. 249, л. 10—12; д. 1280, л. 17; ф. 1430, оп. 1, д. 9452, л. 856—866; ф. 1, оп. 1, д. 156, л. 48—87; ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 2690, л. 363; д. 2902, л. 1189; д. 2899, л. 819; д. 2894, л. 809.

² См.: Статистическое обозрение городов и посадов Российской империи по 1825 г.; Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—1862 гг.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 447.

⁴ См.: Челпко В. В. Сельское хозяйство Белоруссии в первой половине XIX века. — Минск, 1966, с. 110.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 311.

⁶ Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи. — Спб., 1842; Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—1862 гг.

⁷ В группу «прочих» включены бессрочноотпускные; отставные солдаты, их жены и дети, граждане, иностранцы.

⁸ ЦГИА БССР, ф. 1, оп. 490, л. 231; ф. 1430, оп. 1, д. 827, л. 57.

А. М. ЛЮТЫЙ

УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ТОРГОВЛИ В БЕЛОРУССИИ ПЕРИОДА РАЗЛОЖЕНИЯ ФЕОДАЛИЗМА (конец XVIII—30-е годы XIX века)

Большое значение для политического, экономического и культурного развития белорусского населения имело воссоединение Белоруссии с Россией в 70—90-е годы XVIII века. Включение белорусских губерний в общероссийскую хозяйственную систему и зарождение капиталистических отношений содействовали росту товарности сельского хозяйства, развитию ремесла, промышленности, улучшению путей сообщения и на этой основе более быстрому развитию торговли. С рынком были связаны прежде всего помещичьи хозяйства. Хлеб, который составлял основную статью товарной

продукции помещичьих хозяйств Белоруссии, и другие сельскохозяйственные продукты шли на продажу как на внутренний, так и на внешний рынок. Из Гродненской губернии за границу вывозилось до 250 тыс. четвертей хлеба в год, до 130 тыс. четвертей из Минской, а также Могилевской губерний¹. Кроме хлеба помещичьи хозяйства поставляли на рынок лен, пеньку, льняное и конопляное семя, скот, шерсть, сало и т. п. Увеличились посевы и сбор картофеля. Значительная часть хлеба и картофеля перерабатывалась в водку и спирт, которые шли как на местный рынок, так и в другие губернии России и за границу. Помещики белорусских губерний увеличивали поголовье улучшенных пород овец, для разведения которых правительство предоставляло ссуду. Шерсть продавалась в русских губерниях и перерабатывалась на местных предприятиях.

Рост товарности сельского хозяйства сопровождался расширением торговых связей деревни с городом. Расширение рыночных связей привело к увеличению количества небольших ярмарок.

В конце XVIII—первой трети XIX века сравнительно быстрыми темпами развивалась промышленность. Общее количество предприятий в Белоруссии увеличилось с 1796 по 1810 год в два раза², а объем продукции в 1828 году в сравнении с 1796 возрос на 68%³. Наблюдается значительный рост мануфактурного производства. Если в 1809 году в трех губерниях (Гродненской, Минской и Могилевской) насчитывалось 47 крупных мануфактур, на которых работало 1322 рабочих, то в 1828 году—70. На них работало 2754 рабочих⁴. Особенно быстро развивалась суконно-шерстяная промышленность. Значительно увеличилось количество предприятий капиталистического типа. В 1828 году они составляли 38,5% от общего числа предприятий, а вольнонаемные рабочие—46,3 от общего числа рабочих всех предприятий белорусских губерний⁵. Важную роль в развитии торговли играл рост городов и городского населения. Многие города Белоруссии с давних времен были центрами ремесла и ярмарочной торговли, а позднее стали центрами развития капиталистического производства. По темпам роста городского населения в первой половине XIX века белорусские губернии превосходили большинство российских.

Втягивание помещичьего и крестьянского хозяйства в товарно-денежные отношения, рост городов, развитие ремесла и мануфактурного производства способствовали росту базаров и развитию постоянной лавочной торговли. Так, в Витебской губернии в 1828 году оборот капиталов лавочной и рыночной торговли в 6 раз превышал оборот капиталов ярмарочной торговли⁶.

После воссоединения Белоруссии с Россией царское правительство в экономических и военных целях приступило к ремонту и строительству дорог, мостов и каналов, был введен специальный «копеечный» сбор на устройство и содержание дорог. Большую роль в развитии внешнеторговых связей белорусских губерний продолжали играть водные пути, которые постепенно совершенствовались. В 1797 году началось строительство Березинского канала, соединившего в дальнейшем бассейны Днепра и Западной Двины. В 1799—1803 годах велись работы по ремонту и реконструкции Огинского канала, соединявшего бассейны Днепра и Немана. В первой половине XIX века была построена Днепро-Бугская система, соединявшая бассейны Днепра и Вислы через Припять, Ясельду, Пину, Мушавец, Западный Буг.

Положительно сказалось на развитии торговли введение в белорусских губерниях общероссийской системы мер и весов и распространение на Белоруссию общероссийской финансовой системы. Распирению торговой деятельности различных слоев населения способствовали указы Сената о разрешении заниматься торговлей мещанам, удельным и казенным крестьянам. Указом от 20 июня 1815 года предоставлялось право крепостным крестьянам, отпущенным на волю, записываться в мещанское, купеческое и ремесленное сословия⁷. Однако эти указы в Белоруссии, где в 20—30-е годы XIX века насчитывалось не более 15—20 человек торгующих крестьян практического значения не имели. Поэтому 19 ноября 1828 года вышло подтверждение указа о праве крестьян, отпущенных на волю, записываться в мещанское, купеческое и ремесленное сословия⁸. И после этого запись государственных крестьян в купечество была весьма ограничена: во-первых, для записи в купечество необходимо было предъявить значительный капитал, а во-вторых, принятые должны были до очередной ревизии платить двойные подати: и как крестьяне, и как городские купцы.

Мещанскому сословию и посадским людям городов было разрешено иметь в лавках мелочные товары, но оборот такого торговца не должен был достигать оборота купца третьей гильдии. На ярмарках мещанам и крестьянам разрешалось торговать не только с возов, судов и лодок, но и иметь временные лавки, в которых они могли заниматься, кроме торговли, разменом денег. Кроме того, торгующие мещане имели право заключать казенные и общественные подряды на сумму, не превышающую 4 тыс. руб.⁹

Потомственным и личным дворянам разрешалось открывать и содержать в городах свои фабрики, заводы, записываться в купечество любой гильдии, но запрещалось торговать промышленными изделиями в других городах. В условиях консолидации всероссийского рынка, развития торговли и товарно-денежных отношений царское правительство в целом не отказалось от сословного принципа организации торговли. Предоставление дворянству права розничной и оптовой торговли сельскохозяйственными продуктами и товарами, производившимися на принадлежащих им промышленных предприятиях, снятие ряда торговых ограничений и запретов с крестьян и посадских положительно сказались на развитии внутреннего рынка.

Однако развитие торговли сдерживали огромные пошлины и штрафы за строительство речных судов (они достигали 200 руб. с судна), введение дорожных бланков и сборов за проезд через мосты и перевозы. Тормозила развитие торговли и налоговая политика русского правительства. Двойной налог с купцов еврейской национальности, которые среди купечества Белоруссии составляли в конце XVIII века 54,5%¹⁰, значительно уменьшил оборот капиталов. Кроме того, евреям разрешалось торговать только в черте оседлости, а запрещалось торговать в столичных губерниях и в уездах, расположенных от границы ближе чем за 50 верст¹¹.

В середине 20-х годов XIX века увеличился процентный сбор с купеческих капиталов, что отрицательно сказалось на развитии как внутренней, так и внешней торговли. Однако внешняя торговля Белоруссии, а также торговля с Украиной, Прибалтикой и российскими губерниями в рассматриваемое время превосходила внутреннюю. Основная причина такого положения заключалась в узости внутреннего рынка, не имевшего возможности поглотить всю продукцию сельскохозяйственного производства. Местная промышленность не могла потребить всего сырья. Города, которые в первой половине XIX века развивались по-прежнему как торгово-ремесленные центры, также потребляли мало сельскохозяйственной продукции. Часть необходимых продуктов питания производилась самими жителями городов, имевшими огороды, сады, домашний скот и птицу, а иногда и небольшие пашни. Поэтому помещики белорусских губерний вывозили сельскохозяйственные продукты за границу, а также на рынки России и Украины. Развитию внешней торговли Белоруссии способствовало и ее выгодное географическое положение. Благодаря этому местные купцы могли активно участвовать в транзитной торговле России с западными странами. Из Белоруссии вывозились главным образом хлеб, лен, пенька, конопляное и льняное семя и масло, лошади, мед, воск, сало, лес и лесопроductы, а также водка и спирт. А в Белоруссию Россия, Украина и Прибалтика поставляли галантерейные товары, дорогие вина, посуду, сукно, железо, свинец, сахар, табак, соль и др. Большое значение для расширения торговли белорусских губерний с российскими и Украиной имела ликвидация внутренних таможен и застав. Положительное значение для развития торговли имела также отмена многочисленных пошлин, взимавшихся отдельными городами, монастырями и даже крупными феодалами. Одним из важнейших условий развития внешней торговли Белоруссии было усиление политического влияния России и заключение ею ряда торговых конвенций с другими государствами.

Таким образом, в период разложения феодализма развитие торговли Белоруссии характеризовалось зарождением в ней новых капиталистических форм, наряду с продолжавшими существовать феодальными. В конце XVIII—первой половине XIX века Белоруссия становится частью общероссийской хозяйственной системы, активно вовлекаясь в процесс формирования капиталистического уклада. Противоречивость процесса развития капиталистических отношений в Белоруссии в рассматриваемый период определила и противоречивые условия развития внутренней и внешней торговли.

¹ См.: История Белорусской ССР, т. 1.— Минск, 1961, с. 272; ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 11, д. 76, 79.

² См.: Болбас М. Ф. Развитие промышленности в Белоруссии 1795—1861 гг.— Минск, 1966; Гісторыя Беларускай ССР, т. 1.— Мінск, 1972, с. 452.

³ См.: Весці АН БССР, серыя грамад. навук.— Мінск, 1963, № 2, с. 40.

⁴ См.: История Белорусской ССР, т. 1, с. 277.

⁵ См.: Весці АН БССР, серыя грамад. навук, 1961, № 1, с. 46.

⁶ ЦГИА БССР, ф. 1430, оп. 1, д. 1320, л. 219.

⁷ Там же, ф. 295, оп. 1, д. 277, л. 118.

⁸ Там же.

⁹ Там же, ф. 1430, оп. 1, д. 784, л. 5.

¹⁰ Проценты определены на основании архивных данных: ЦГИА СССР, ф. 1350, оп. 312, д. 94, 97.

¹¹ ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 2, оп. 3, д. 601, л. 1.

М. С. КОРЗУН

БОГОСЛОВСКАЯ ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ВЛИЯНИЯ ХРИСТИАНСТВА НА ПОЛОЖЕНИЕ ХОЛОПОВ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Дореволюционные церковные историки доказывали прогрессивное влияние христианства на общественную жизнь Древней Руси, акцентируя внимание читателя на превосходстве новой религии над так называемым язычеством. В современных условиях церковно-богословские круги Московской патриархии пытаются подкрепить этот тезис религиозной интерпретацией проблем общественного развития, в частности, рабства.

Они утверждают, что церковь не смогла устранить института рабства, но она обрушилась против продажи «в поганые» братьев по крови, «христианство смягчило положение рабов»¹. В недавно изданном сборнике статей церкви приписывается «решительное осуждение рабства»². При этом не дается ссылок на исторические источники церковного или светского характера.

Ф. Энгельс показал, что рабство существовало, когда рабочая сила могла произвести больше, чем требовалось для простого поддержания ее, и отмерло потому, что перестало окупать себя, сделалось экономически нецелесообразным. Он подчеркнул, что религия не имеет никакого отношения к этому процессу. «Христианство совершенно неповинно в постепенном отмирании античного рабства»³.

Высказывание Ф. Энгельса о независимом от христианства отмирании античного рабства позволяет методологически верно определить такой же независимый от православия характер отмирания рабства на Руси. Древнерусское рабство, определяемое некоторыми историками как патриархальное⁴, отличается от античного рабства, в период кризиса которого в Римской империи возникло христианство. В советской историографии утвердилось мнение, что элементы рабовладения существовали в рамках раннефеодального общества⁵, что холопы—это рабы русского феодального общества⁶, они входили в состав челяди, работающей на феодалов⁷. Рабство на Руси было известно задолго до введения христианства. Оно продолжало существовать столетия спустя после утверждения православия в качестве государственной религии. Последнее упоминание о полных холопах относится к 1597 году⁸. Другие категории холопов существовали и позже.

Положительного примера для осуждения рабства русская церковь не могла позаимствовать ни в античном христианстве, ни в византийском. Автор «Книги премудрости Иисуса, сына Сирахова» поучает: «Корм, палка и бремя—для осла; хлеб, наказание и дело—для раба. Занимай раба работой, и будешь иметь покой; ослабь руки ему, и он будет искать свободы». Оправдание «священным писанием» отношений между господином и рабом, забота о сохранении частной собственности проводится и в тех рекомендациях книги, которые советуют господину поступать с рабом, «как с братом», ибо господин «приобрел его кровью». К тому же раб, если его обижают, может и убежать. Таким образом, справедливое, с точки зрения рабовладельца, наказание и мягкое отношение к рабу продиктовано лишь заботой—сохранить раба как собственность, но не предоставить ему свободу. Это обычное для рабовладельца отношение к рабу как рабочему скоту.

Не осуждается рабство и в Новом завете: «Раб же тот, который знал волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его, бит будет